

УДК 341.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-82-94

Е. А. Певцова

Российский государственный университет народного хозяйства им. В. И. Вернадского,
Москва, Российская Федерация,
mail@rgunh.ru

КОСМИЧЕСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретико-правовой природы космических правоотношений в контексте современного международного и национального космического права. Проводится сравнительный анализ российского и западного (преимущественно американского и европейского) подходов к регулированию космической деятельности с 2015 года. Особое внимание уделяется фундаментальным расхождениям в интерпретации принципа неприсвоения, правового статуса космических ресурсов и роли частных субъектов в космической деятельности. Автор анализирует теоретические основания космических правоотношений, включая концепции правового пространства, мобильных территорий и вертикального суверенитета, разработанные российской доктриной. Исследуются противоречия между мультилатеральным подходом России и плюрилатеральными инициативами Запада («Соглашения Артемиды»). Делается вывод о необходимости выработки универсального международно-правового режима использования космических ресурсов.

Ключевые слова: космические правоотношения; международное космическое право; принцип неприсвоения; космические ресурсы; Договор о космосе 1967 года; «Соглашения Артемиды»; доктрина космического права.

UDC 341.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-82-94

E. A. Pevtsova

Vernadsky Russian State University of National Economy,
Moscow, Russian Federation,
mail@rgunh.ru

SPACE LEGAL RELATIONS: A THEORETICAL AND LEGAL VIEW

Abstract. The article is devoted to the study of the theoretical and legal nature of space legal relations in the context of modern international and national space law. A comparative analysis of Russian and Western (mainly American and European) approaches to regulating space activities has been conducted since 2015. Special attention is paid to fundamental differences in the interpretation of the principle of non-appropriation, the legal status of space resources and the role of private actors in space activities. The author analyzes the theoretical foundations of space legal relations, including the concepts of legal space, mobile territories and vertical sovereignty, developed by the Russian doctrine. The contradictions between Russia's multilateral approach and the plurilateral initiatives of the West («Artemis Agreements») are investigated. It is concluded that it is necessary to develop a universal international legal regime for the use of space resources.

Keywords: space legal relations; international space law; the principle of non-appropriation; space resources; the 1967 Outer Space Treaty; «Artemis Agreements»; the doctrine of space law.

Введение

Космические правоотношения представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся областей современного международного права. С момента начала космической эры и принятия в 1967 году Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее — Договор 1967 года), правовое регулирование космической деятельности прошло значительный путь эволюции. Однако именно в последнее десятилетие, начиная с 2015 года, наметился существенный разрыв между различными правовыми подходами к регулированию освоения космоса. Активное развитие космических технологий, вовлечение частного капитала и обострение международной конкуренции в космосе обусловили качественное изменение характера космических правоотношений. Если во второй половине XX века космическое право формировалось преимущественно как сфера публичного международного права, ориентированная на предотвращение конфликтов и обеспечение мирного использования космического пространства, то с середины 2010-х годов на первый план выходят вопросы коммерческого освоения, добычи ресурсов и национального правового регулирования.

В этих условиях особую актуальность приобретает теоретико-правовой анализ космических правоотношений, позволяющий выявить глубинные различия правовых философий и доктринальных подходов различных государств. Российская и западная правовые школы демонстрируют принципиально разные ответы на вопрос о допустимых пределах интерпретации Договора 1967 года, соотношении международного и национального права, а также о правовой природе космических ресурсов.

Теоретико-правовой анализ космических правоотношений требует не только изучения действующих международных договоров и национального законодательства, но и глубокого осмысления фундаментальных правовых категорий: правосубъектности, суверенитета, юрисдикции, права собственности применительно к космическому пространству. Особую актуальность приобретает вопрос о правовой природе космических ресурсов и допустимости их коммерческого использования частными субъектами. Настоящая статья ставит своей целью проведение сравнительного анализа российского и западного правовых подходов к регулированию космической деятельности через призму теории правоотношений, выявление ключевых доктринальных расхождений и оценку перспектив формирования единого международно-правового режима использования космического пространства.

Основное исследование

Космические правоотношения как особая категория международного права. Современные космические правоотношения опираются на фундаментальные принципы, закрепленные в Договоре 1967 года. К числу базовых относятся принцип неприсвоения космического пространства и небесных тел, принцип свободы исследования и использования космоса, а также концепция космического пространства как общего достояния человечества (common heritage of mankind).

Принцип неприсвоения (ст. II Договора 1967 года) традиционно рассматривается как краеугольный камень международного космического права. Он исключает возможность распространения государственного суверенитета на космическое пространство и небесные тела любыми способами: путем провозглашения, использования или оккупации. В классической доктрине данный принцип трактовался широко, охватывая не только территориальные притязания, но и любые формы исключительного контроля над космическими объектами и ресурсами.

Российская правовая наука разработала ряд оригинальных теоретических конструкций для объяснения специфики космических правоотношений. В частности, теория правового пространства исходит из сочетания международных и национальных начал в регулировании космической деятельности. Существенное место занимает концепция подвижных территорий (космические

станции, пилотируемые корабли, искусственные спутники), через которые реализуются элементы юрисдикции и суверенных прав государства без нарушения принципа неприсвоения.

Отдельного внимания заслуживает теория вертикального суверенитета, направленная на разграничение воздушного пространства, находящегося под полным и исключительным суверенитетом государства, и космического пространства, в котором суверенитет исключен. Эта теория имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для определения пределов юрисдикции и ответственности государств.

Таким образом, космические правоотношения представляют собой систему общественных отношений, урегулированных нормами международного и национального права, возникающих в связи с исследованием и использованием космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Отметим, что с теоретико-правовой точки зрения космические правоотношения обладают рядом специфических черт, отличающих их от иных международно-правовых отношений.

Во-первых, космические правоотношения характеризуются гибридным характером правового регулирования. Несмотря на то что основу космического права составляют нормы публичного международного права, закрепленные в международных договорах, растущая роль частных субъектов в космической деятельности обуславливает необходимость интеграции элементов частного права в регулятивный механизм. Данная тенденция отражает общий процесс диверсификации субъектного состава космической деятельности: от государственной монополии к многоакторной модели с участием коммерческих корпораций, международных организаций и, потенциально, физических лиц.

Во-вторых, космические правоотношения функционируют в условиях экстерриториальности. Космическое пространство не подлежит национальному присвоению, что исключает применение к нему традиционных территориальных принципов международного права. Это порождает сложные вопросы определения юрисдикции и установления применимого права к отношениям, возникающим в космосе. Российская правовая доктрина предложила концепцию правового пространства как особой сферы действия правовых норм, где переплетаются национальные и международные императивы.

В-третьих, космические правоотношения отличаются высокой степенью технологической обусловленности. Правовые нормы вынуждены постоянно адаптироваться к стремительному развитию космических технологий, что создает феномен правового отставания, когда право не успевает за технологическим прогрессом. Это особенно актуально в контексте появления новых видов космической деятельности: добычи космических ресурсов, создания постоянных поселений на небесных телах, космического туризма, использования искусственного интеллекта в автономных космических системах.

Фундаментальные принципы международного космического права.

В доктрине космические правоотношения традиционно квалифицируются

как отношения, регулируемые нормами публичного международного права. Однако развитие коммерческой космической деятельности привело к формированию гибридной правовой природы, сочетающей элементы международного публичного права, международного частного права и национального законодательства.

С одной стороны, государства сохраняют ключевую роль в качестве носителей международной ответственности и субъектов, обязанных давать разрешение и осуществлять постоянный надзор за деятельностью негосударственных субъектов (ст. VI Договора 1967 года). С другой стороны, частные компании становятся фактическими участниками космических правоотношений, что объективно требует признания за ними определенного объема прав и обязанностей.

Особо дискуссионным является вопрос о правовом режиме космических ресурсов. Договор о космосе не содержит прямого ответа на вопрос о допустимости возникновения права собственности на извлеченные ресурсы. Это породило конкурирующие интерпретации: от признания ресурсов неотделимыми от космического пространства до допущения их правового отчуждения после извлечения.

Договор 1967 года установил систему базовых принципов, образующих фундамент современного космического права, которые определяют правовой режим космического пространства и формируют теоретическую основу космических правоотношений.

Принцип неприсвоения (*non-appropriation principle*), закрепленный в статье II, провозглашает, что космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами. Этот принцип является краеугольным камнем космического права, однако его интерпретация в современных условиях вызывает острые дискуссии.

Ключевой теоретический вопрос заключается в следующем: распространяется ли запрет присвоения только на территориальный суверенитет над небесными телами или также на право собственности в отношении космических ресурсов? Российская доктрина традиционно придерживается расширительной интерпретации, рассматривая космические ресурсы как общее достояние (*res communis*), не подлежащее частному присвоению. Западная правовая мысль, напротив, проводит разграничение между запретом территориальной аннексии и допустимостью приобретения прав собственности на добытые ресурсы [2].

Принцип свободы исследования и использования космического пространства (статья I) устанавливает, что космос открыт для исследования и использования всеми государствами без какой-либо дискриминации, на основе равенства и в соответствии с международным правом. Данный принцип создает правовую основу для космической деятельности, но одновременно порождает вопросы о пределах этой свободы. Может ли свобода использования включать коммерческую эксплуатацию космических ресурсов? Каковы критерии разграничения правомерного использования и запрещенного присвоения?

Концепция космического пространства как общего достояния человечества, хотя и не получила четкого закрепления в Договоре 1967 года пронизывает весь его дух. Статья I провозглашает, что исследование и использование космоса «должны осуществляться на благо и в интересах всех стран». Это положение формирует основу для требований о справедливом распределении выгод от космической деятельности и создает теоретическую предпосылку для критики односторонних национальных законодательных инициатив в области использования космических ресурсов.

Российская теоретическая школа космического права. Российская правовая доктрина и официальная позиция государства исходят из приоритета многостороннего международно-правового регулирования и строгого соблюдения Договора 1967 года. Космическое пространство и его ресурсы рассматриваются как общее достояние, не подлежащее национальному присвоению ни государствами, ни частными лицами.

Базовым национальным актом является закон РФ от 20 августа 1993 года № 5663-1 «О космической деятельности». Вместе с тем данный закон был принят в иной технологической и экономической реальности и не содержит специальных норм о правовом режиме природных ресурсов небесных тел. В научной литературе обоснованно указывается необходимость его модернизации, а также принятия специальных федеральных законов о регистрации прав на космические объекты и сделок с ними.

Россия последовательно выступает против односторонних национальных законодательных инициатив, признающих право собственности на космические ресурсы. Подобные акты рассматриваются как противоречащие международному праву и подрывающие универсальный характер принципа неприисвоения. В качестве альтернативы предлагается механизм справедливого распределения выгод от использования космических ресурсов, развиваемый в рамках многосторонних форматов.

Российская (ранее советская) правовая наука внесла существенный вклад в развитие теоретических оснований космического права. В условиях современных вызовов российские правоведы разработали ряд оригинальных концептуальных подходов к пониманию природы космических правоотношений.

Согласно теории правового пространства [4], космическое пространство представляет собой особую правовую сферу, где действует сложная система норм, сочетающая международные императивы и национальные регулятивные установления. Правовое пространство не совпадает с физическим: оно конструируется через взаимодействие различных правовых режимов и юрисдикций. Эта теория позволяет объяснить, каким образом государства осуществляют юрисдикцию над космическими объектами и их экипажами в условиях отсутствия территориального суверенитета.

Концепция мобильных территорий разработана для объяснения осуществления государственного суверенитета в отношении космических станций, спутников и иных искусственных космических объектов. Согласно этой теории,

зарегистрированные космические аппараты, находящиеся под флагом определенного государства, образуют своего рода мобильные территории, на которые распространяется юрисдикция государства регистрации. Это позволяет решить проблему применимого права к правоотношениям, возникающим на борту космических станций, и обосновать ответственность государства за деятельность таких объектов.

Теория вертикального суверенитета призвана провести разграничение между воздушным пространством, на которое распространяется полный и исключительный суверенитет государства (согласно Чикагской конвенции 1944 года), и космическим пространством, не подлежащим национальному присвоению. СССР предлагал установить высотную границу на уровне не более 100–110 км над уровнем моря (так называемая линия Кармана). Хотя такая граница до сих пор не получила универсального признания, концепция вертикального суверенитета остается важным теоретическим инструментом для понимания пространственных пределов государственной юрисдикции [3].

Принципиальное значение для российской доктрины имеет холистический подход к интерпретации международного космического права. Договор 1967 года рассматривается не изолированно, а в системной связи с иными источниками международного права, включая принципы Устава ООН, обычное международное право, общие принципы права. Это означает, что любые национальные законодательные инициативы должны оцениваться на предмет их соответствия не только букве Договора 1967 года, но и более широкому международно-правовому контексту, включая принципы добросовестности, сотрудничества и запрета злоупотребления правом.

В настоящее время российские правовые эксперты указывают на необходимость разработки нового законодательства для обновления действующего федерального закона о космической деятельности, принятого в 1993 году и считающегося устаревшим [2]. Отмечается потребность в принятии федерального закона о государственной регистрации прав на космические объекты и сделок с ними. Россия выступает за модель распределения выгод от использования космических ресурсов, подчеркивая принцип справедливого распределения, и признает необходимость формирования комплексной национальной правовой базы для деятельности по добыче космических ресурсов.

Россия выступает против национальных законодательных инициатив, предоставляющих частным субъектам права собственности на космические ресурсы, рассматривая такие инициативы как противоречащие устоявшимся международно-правовым подходам. Данное неприятие распространяется на односторонние национальные интерпретации Договора по космосу, при этом Россия признает Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях в качестве основного форума для развития космического права [3].

Западные правовые доктрины и практика. Западные подходы к космическому праву, в частности подход Соединенных Штатов, делают акцент

на национальном законодательстве и режимах коммерческой эксплуатации. Закон США о конкурентоспособности коммерческих космических запусков 2015 года представляет собой ключевое развитие, легализующее промышленное производство, присвоение и продажу внеземных ресурсов гражданами США и негосударственными организациями. Данный закон допускает, что американские граждане могут добывать, присваивать и даже продавать внеземные ресурсы, что знаменует собой существенный отход от традиционных интерпретаций Договора 1967 года.

Закон США 2015 года содержит определения таких понятий, как космический ресурс и астероидный ресурс, и признает права собственности на извлеченные материалы. При этом законодательство отказывается от притязаний на внеземной суверенитет, одновременно допуская признание прав собственности на извлеченные ресурсы, стремясь тем самым согласовать данные положения с принципом неприсвоения, закрепленным в Договоре 1967 года. Такой подход отражает правовую философию, проводящую различие между суверенитетом над территорией и правами собственности на извлеченные материалы.

Люксембург последовал американской модели, приняв в 2017 году космическое законодательство, предоставляющее права собственности на извлеченные ресурсы. ОАЭ приняли декрет-закон в 2023 году, а Япония утвердила соответствующий нормативный акт в 2021 году, что свидетельствует о скоординированном западном подходе к правовому регулированию космических ресурсов. Эти национальные законы закрепляют притязания на права собственности в отношении космических ресурсов, формируя правовую основу для коммерческой добычи в космосе.

«Соглашения Артемиды» представляют собой крупную международную инициативу, возглавляемую западными государствами и запущенную в 2020 году [5]. Изначально подписанные космическими агентствами восьми государств, соглашения впоследствии расширились и включили пятьдесят государств-партнеров. «Соглашения Артемиды» направлены на практическую реализацию принципов Договора 1967 года при одновременном продвижении сотрудничества в сфере исследования и использования космических ресурсов. Эти соглашения допускают участие частных компаний в освоении лунных ресурсов, что представляет собой существенный пересмотр фундаментальных принципов международного космического права.

Исполнительный указ президента США 2020 года поощрял международную поддержку добычи и использования космических ресурсов, демонстрируя проактивный подход к формированию международного консенсуса вокруг американских правовых интерпретаций. Национальная космическая политика США 2006 года отвергала введение новых ограничений на деятельность США в космическом пространстве, что отражает более широкую западную позицию по сохранению доступа и использования космоса без многосторонних ограничений [5].

Таким образом, западные подходы делают акцент на операционализации принципов Договора 1967 года, утверждая при этом, что принцип неприсвоения

не распространяется на извлеченные ресурсы. Такое толкование позволяет осуществлять коммерческую эксплуатацию при формальном заявлении о соответствии международному праву. Соединенные Штаты продвигают приоритет национальных правовых норм над международными договорами в сфере частного космического права, ставя под сомнение необходимость международных договоров в отдельных областях.

Участие Люксембурга и ОАЭ в «Соглашениях Артемиды» характеризуется как стратегия переноса будущей прибыли в юрисдикции с низким уровнем налогообложения, что указывает на экономические мотивы, выходящие за рамки исключительно правовых или научных соображений. Западные подходы отдают приоритет национальным законодательным интерпретациям и сформировали комплексные режимы регулирования коммерческой космической деятельности, что контрастирует с более ограниченными национальными правовыми рамками в Китае и России.

Ключевые доктринальные расхождения. Фундаментальное доктринальное различие сосредоточено вокруг подходов к эксплуатации космических ресурсов. Соединенные Штаты выступают за одностороннюю эксплуатацию на основе национального законодательства, тогда как Россия поддерживает многосторонний подход. Позиция США допускает эксплуатацию космических ресурсов государствами и частными лицами на основании внутреннего законодательства, в то время как Россия подчеркивает, что такая деятельность должна регулироваться международными соглашениями с участием всех государств, осуществляющих космическую деятельность.

Противоречащие друг другу интерпретации Договора 1967 года составляют ключевую область разногласий. Соединенные Штаты и Россия занимают различные правовые позиции в отношении понятия «общее достояние человечества», что имеет прямые последствия для способов доступа к ресурсам и их использования. Национальное законодательство США в отношении небесных тел характеризуется как противоречащее международным договорам и обычному праву, тогда как Россия подчеркивает необходимость строгого соблюдения договорных положений.

Конкурирующие представления о будущем управлении космической деятельностью проявляются в различных международных партнерствах. Соединенные Штаты стремятся к военному превосходству в космосе, что, по мнению критиков, вступает в противоречие с мирными целями Договора 1967 года. Россия делает акцент на строгом соблюдении Договора 1967 года и многосторонности, отдавая приоритет международному сотрудничеству перед односторонним преимуществом. Эти различные подходы институционализированы в программе «Артемиды» (под руководством США) и в проекте Международной научной лунной станции (МНЛС, китайско-российское сотрудничество).

«Соглашения Артемиды» ориентированы на активную эксплуатацию ресурсов, тогда как МНЛС сосредоточена на использовании ресурсов *in situ* без немедленной коммерческой добычи. Это различие отражает разные приоритеты:

западные подходы делают упор на коммерческое развитие и краткосрочную добычу ресурсов, тогда как российско-китайское партнерство акцентирует внимание на научных исследованиях и долгосрочных стратегиях использования ресурсов.

Доктринальные различия проявляются и в толковании принципа неприсвоения. Западная правовая доктрина все чаще проводит различие между присвоением территории (запрещенным) и правами собственности на извлеченные полезные ископаемые (допустимыми), тогда как российская доктрина утверждает, что принцип неприсвоения распространяется в более широком объеме и охватывает сами ресурсы [1]. Россия подчеркивает принцип распределения выгод как основу использования ресурсов в противоположность западным подходам, ориентированным на приоритет индивидуальных государственных интересов.

Различия в базовых правовых философиях очевидны и в подходах к суверенитету и юрисдикции. Российский акцент на подвижных территориях и сохранении традиционных территориальных границ посредством космических активов отражает правовую философию, укорененную в концепциях территориального суверенитета. Западные подходы, особенно подход Соединенных Штатов, делают упор на национальные законодательные интерпретации и признание прав собственности на космические ресурсы через внутреннее право, что отражает более коммерциализированную и ориентированную на приватизацию правовую философию.

Роль частных субъектов в космической деятельности выявляет еще одно ключевое различие. В рамках западных правовых режимов частные компании становятся значимыми участниками космических правоотношений, при этом правовые системы прямо признают их права на добычу и владение ресурсами. Россия продолжает подчеркивать ведущую роль государства в освоении космоса, при этом государственно-частные партнерства развиваются в рамках существенного государственного участия. Это отражает различные позиции в отношении приватизации и коммерциализации космической деятельности [1].

Подходы к формированию международных обычаев также существенно различаются. Западные государства приняли национальные законы, закрепляющие права собственности на космические ресурсы, что, по мнению некоторых авторов, способствует формированию новых норм обычного международного права. Российские правоведы критикуют данный подход, утверждая, что законодательные инициативы отдельных государств не формируют обычай и что такие односторонние действия противоречат устоявшимся международно-правовым принципам [2].

Таким образом, принципиальное расхождение между российским и западным подходами проявляется в понимании юридической силы международного права. Российская доктрина исходит из того, что международные договоры устанавливают обязательные пределы поведения государств, не допускающие одностороннего пересмотра. Западная доктрина допускает эволюционное

толкование договоров через национальное законодательство и практику. Различаются и подходы к роли частных субъектов. В западных правовых порядках частные компании рассматриваются как ключевые драйверы космического освоения, в то время как в России приоритет сохраняется за государством при развитии механизмов государственно-частного партнерства. Наконец, конкурирующие международные инициативы («Соглашения Артемиды» и проект МНЛС России и Китая) отражают разные модели будущего космического правового порядка — плюрилатеральную, ориентированную на коммерцию, и многостороннюю, ориентированную на научное сотрудничество и равенство государств.

Результаты исследования

Космические правоотношения находятся в состоянии глубокой трансформации. Сохраняя формальную преемственность с принципами Договора 1967 года, современная практика демонстрирует их фрагментацию и конкурирующие интерпретации. Теоретико-правовой анализ показывает, что речь идет не просто о споре о ресурсах, а о столкновении различных правовых философий и моделей международного правового порядка.

Проведенный теоретико-правовой анализ космических правоотношений выявляет глубокие концептуальные расхождения между российским и западным подходами к регулированию космической деятельности. Эти расхождения не ограничиваются техническими юридическими деталями, но отражают фундаментально различные правовые философии понимания роли международного права и видения будущего космической деятельности человечества.

Российская доктрина, опираясь на расширительное толкование принципа неприсвоения, холистический подход к международному праву и приверженность универсальному мультилатерализму, настаивает на том, что космические ресурсы являются общим достоянием человечества и должны использоваться на основе справедливого распределения выгод и международного сотрудничества. Односторонние национальные законы, признающие права собственности на космические ресурсы, рассматриваются как нарушение духа и буквы Договора 1967 года.

Западный подход, основанный на буквальном толковании принципа неприсвоения, разграничении территориального суверенитета и прав собственности на ресурсы, а также на плюрилатеральных механизмах сотрудничества, утверждает правомерность коммерческой эксплуатации космических ресурсов частными субъектами в рамках национального законодательства. «Соглашения Артемиды» и национальные законы о космических ресурсах представляются как легитимная операционализация Договора 1967 года, адаптирующая его к реалиям современной космической экономики.

Для преодоления существующего тупика необходим конструктивный диалог на основе взаимного уважения правовых позиций и признания легитимности озабоченностей всех сторон. Возможным путем вперед могла бы стать разработка международного соглашения о космических ресурсах, которое признало бы принципиальную допустимость использования космических ресурсов при соблюдении определенных условий, установило бы процедуры международной координации и предотвращения конфликтов, создало бы механизмы справедливого распределения выгод и обеспечило экологическую устойчивость космической деятельности. Будущее космического права будет зависеть от того, удастся ли выработать универсальные механизмы согласования интересов государств и частных субъектов. Без такого согласования существует риск формирования фрагментированного и конфликтного правового режима космоса в противоположность его изначальному назначению как сферы мирного и совместного использования.

Космическое право — это не только набор юридических норм, но и отражение наших представлений о месте человечества во Вселенной. Сможем ли мы распространить на космос лучшие принципы земного права: сотрудничество, справедливость, уважение к общему достоянию — или воспроизведем худшие практики колониализма и эксплуатации? Ответ на этот вопрос во многом определит, какое будущее ждет человечество как космическую цивилизацию.

Список источников

1. Головина А. А. К проблеме границ правового суверенитета в космосе // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2019. № 2 (34). С. 15–22.
2. Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства / А. Я. Капустин [и др.]; отв. ред. А. Я. Капустин. М.: ИНФРА-М, 2021. 264 с. DOI: 10.12737/1241334
3. Хаванова И. А. Космос: освоение правом // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 4. С. 122–134.
4. Хаванова И. А. Лунные «суверены»: экономика космического пространства в дискурсе российских правоведов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. Т. 21. № 1. С. 97–107.
5. Юзбашян М. Р. Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе и перспективы развития космического права // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20. № 1. С. 103–119.

References

1. Golovina A. A. K probleme granits pravovogo suvereniteta v kosmose // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2019. № 2 (34). S. 15–22.
2. Formirovanie sovremennoy mezhdunarodno-pravovoy kontseptsii issledovaniya i ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva / A. Ya. Kapustin [i dr.]; отв. red. A. Ya. Kapustin. M.: INFRA-M, 2024. 264 s. DOI: 10.12737/1241334
3. Khavanova I. A. Kosmos: osvoenie pravom // Zhurnal rossiyskogo prava. 2025. T. 29. № 4. S. 122–134.

4. Khavanova I. A. Lunnye «suvereny»: ekonomika kosmicheskogo prostranstva v dis-kurse rossiyskikh pravovedov // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2025. T. 21. № 1 С. 97–107.

5. Yuzbashyan M. R. Aktual'nye tendentsii sotrudnichestva i sopernichestva v kosmose i perspektivy razvitiya kosmicheskogo prava // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2024. T. 20. № 1. S. 103–119.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.